

Глава 1

ВОР

Всё складывалось сначала благополучно. Алексей школу закончил, в областной вуз поступил на факультет «история и архивное дело». Считал — повезло. Семья у него неполная — мать и он. Отца своего не помнил, мать от разговоров о нем уходила. Жили всегда скромно, по средствам. Велика ли зарплата у библиотекаря в небольшом райцентре в Рязанской области? У одноклассников смартфоны и прочие гаджеты, вроде планшетников, у него кнопочный телефон, дешёвенькая «Нокия». Что скрывать — завидовал, поэтому образование хотел получить, однако по результатам ЕГЭ только на этот факультет прошёл. Не много ныне желающих историками стать, все больше в юристы да экономисты рвутся. А Рязань выбрал потому, что недалеко от его родного города, немного более полусотни километров, каждые выходные к матери ездить можно. И ещё из-за общежития. Съёмная квартира не по карману, а к трудностям не привыкать. Обтерся за пару месяцев, на работу устроился. Понятно — не официально, в шиномонтажную мастерскую. Оплата

подённая, но с подработкой на еду хватало. Парни из общежития первое время ёрничали, подкалывали, поскольку после подработки руки подолгу отмывать приходилось. Но зимнюю сессию сдал хорошо.

В отличие от тех мальчиков, которые по вечерам развлекались — пили пиво, посещали ночные клубы. Кто-то из них на пересдачу экзаменов отправился, а кого-то и вышибли из альма-матер. Алексею учиться нравилось, не подозревал, что история как наука настолько интересна. В группе подавляющее большинство девчонки. Сначала глазки строили, а потом перестали. Ни погулять не пригласит, ни в кафе посидеть, да и пахнет от него железом, резиной, фу!

С хорошими оценками первый курс окончил, впереди каникулы. Скромные пожитки собрал и в родной город, к матери. Каждый родитель своим сыном гордится, если отпрыск по правильной дороге пошел. Мама уже планы строила. Всё рухнуло в один момент. Бывший одноклассник пришел.

— Леха, чего дома сидим? Пойдем на танцы. Наши, я имею в виду бывший класс, будут. Каникулы, все, кто учится в других городах, вернулись.

Соблазнился Алексей, старых друзей-приятелей повидать хочется, все же одиннадцать лет вместе провели, считай — большую часть короткой жизни. Мать предупредил, новую рубашку по такому случаю надел, ботинки старенькие почистил.

— Мам, я задержаться могу, ты не жди, спать ложись.

С легкой душой отправился. Старый дом культуры знаком давно, школьные приятели ждут, настроение хорошее, приподнятое.

Купили билеты, в зал прошли. Музыка из динамиков гроыхает, цветные лучи прожекторов по стенам, по людям прыгают от подвешенного на потолке зеркального шара. У стенок девчонки стоят, половина из которых знакома, приглашения ждут. Несколько пар уже зажигали в центре зала неизвестно что. Постепенно народу прибавлялось, да ладно бы трезвых. Видимо — хлебнули пива или водки для храбрости, для куражу. К девчонкам приставать стали, парни вступились. Сначала словесная перепалка, потом кулаки в ход пустили.

— Алексей, чего стоишь? Наших бьют, слободские пришли.

Слободские — название старое. Был издавна стекольный завод, при нем слобода. Слобода разрослась, микрорайоном стала, а название осталось.

Началась драка. Визг девчонок, мелькание рук, удары. Музыка стихла, зажегся свет. Кто-то закричал.

— Менты!

Вмиг бойцы разбежались, остался круг в центре, а в кругу том Алексей и парень незнакомый на полу, стонет, за руку держится. Алексей растерялся, ему бы тоже в толпу затесаться. А тут

и двое полицейских протиснулись, Алексея под белы ручки взяли.

— Пройдемте с нами.

«Скорую» вызвали, Алексея в полицию увезли, протокол за хулиганство составили. А из больницы звонок в отдел — у пострадавшего рука сломана. Алексея в «обезьянник» закрыли, дело завели о нанесении телесных повреждений. А он и ударить-то успел дважды, к парню пострадавшему не приближался, только лежащим на полу увидел. Дело закрутилось, вскоре суд, в зале заплаканная мать и приговор — полтора года тюрьмы общего режима. Смягчающие обстоятельства — ранее не судим, не привлекался, характеристики из института положительные. Так и пошел по этапу в лагерь, с обидой в душе на несправедливость. В колонии сидели первоходки, сроки в большинстве небольшие, больше молодежь, по глупости попавшая. Кровь молодая, кипит, адреналин бучует, а мозгов и опыта мало. Насмотрелись за океанских боевиков про крутых парней. А только в зоне и тертые, опытные калачи были. За таким преступление не одно, а судимость первая. Известное дело — зона никого еще не перевоспитала. Для многих — школа жизни, вовлечение в преступный мир. И банды сколачиваются, после освобождения начинающие действовать, и преступному ремеслу обучают — как машину открыть и угнать, как документы подделать, как замок дверной вскрыть. Алексею досталась верхняя койка, «шконка» по-лагерному. Внизу спал вор-

карманник Шило, кличка такая. Алексей сперва полагал, что карманник — преступник начинающий. Однако знающие люди объяснили, что эта воровская специальность в преступном мире уважаема, в отличие от убийц и грабителей. Выше стоят только «медвежатники», могущие вскрыть сейф. А для этого инструмент хитрый надо иметь и навык. Только «медвежатников» единицы по стране, все на учете в полиции. Да и нынешние предпочитали действовать примитивно, силой. Либо автогеном, либо взрывчаткой.

С Шилом Алексей сблизился незаметно. Вор постарше его немного, но умен. С удовольствием слушал рассказы Алексея по истории России. А потом удивил, повертел в руках письмо.

— Не твое?

Алексей за карман схватился, где письмо от матери лежало, а карман пуст.

— Отдай.

Как Шило письмо вытащил — загадка. Алексей не пьян, в сознании, а не заметил.

— Леха, карманник, щипач по-воровскому, специалист высокого пошиба. Хочешь, научу?

— Не хочу. Отсиджу и в институте восстановлюсь.

— Ну ты насмешил. Кто же тебя с судимостью восстановит? Благодарю бога, если на физическую работу возьмут — мешки таскать, круглое катать. И заметь — за копейки.

— Воровать нехорошо. У меня мать библиотекарь, зарплата смешная. Как у такой украсть?

— А что у нее красть? Если рисковать, так по крупному. Клиента приглядеть надо, выпасти. Зайди в дорогой магазин, посмотри, как и чем богатенькие расплачиваются, где денежки лежат, у тех и лопатник стяни.

— Не буду, претит.

— Чистоплюй ты, Леха. Знания за плечами не носить. Не хочешь — не воруй. А я так думаю — когда-нибудь пригодится. Пальцы у тебя тонкие, длинные. У хирургов такие бывают, у скрипачей и у щипачей.

И Шило рассказал о специализации карманников. Были трясуны. Встретят якобы знакомого, обнимают на радостях, по плечу хлопают, выбивая бумажник из внутреннего кармана пиджака. А потом извиняются.

— Обознался, земляк, извини.

А лопатник уже владельца поменял. Или ширмачи. Те газетой или пакетом карман жертв от посторонних взглядов прикрывают, мгновение — и вор уже с добычей. Писари режут бритвой или краем остро заточенной монеты сумочки дамские, пакеты. Колесники толкаются в общественном транспорте в часы пик — метро, автобусах.

— А ты?

— Я не колесник. В общественном транспорте пенсионеры ездят или работяги. Что у них красть? В лопатнике стольник на обратную дорогу. Я магазинщик. Бутиков дорогих полно, там красотки толкаются, что в любовницах у папиков. Но в одном бутике или магазине дважды по-

являться не стоит. Нынче там везде видеокамеры. На том я и спалился.

Говорил Шило увлеченно, интересно. Алексей подумал — что время терять? Воровать он не собирался, не так воспитан, но попробовать себе интересно. Шило в карман пустой кошелек клал.

— Давай, стырь!

Не получалось. Шило сразу за руку ловил.

— Грубо работаешь. Выжди, когда человек заинтересуется чем-то, скажем — витриной. Или туфли будет мерить, самый удобный момент. Дамочки, когда интересный для себя товар видят, всякую бдительность теряют. Ничего не слышат и не видят вокруг. Как глухари на весеннем току.

Со временем получаться стало. Шило даже похвалил.

— Я же говорил, что у тебя пальцы тонкие, чуткие, физическим трудом не раздавлены, как у слесаря или кузнеца. Со временем щипач из тебя получится.

— Не буду.

— Все так говорят.

— Хм, вот ты ловкий и опытный, а на зоне паришься. Я сюда больше возвращаться не хочу.

— Э! Ты что думаешь — я хочу? Случайность. Не повезло, день несчастливый выдался.

Шило освободился раньше Алексея. За хорошее поведение по УДО — условно-досрочному освобождению Алексей вышел раньше срока, год отсидел вместо полутора. Сразу домой поехал. Мать дома была, дверь открыла. Алексей вида не

подал, что испугался. За год, что он в колонии сидел, мать постарела на все десять — морщины, седые волосы, сгорбилась. Алексей обнял ее, мать заплакала.

— Вернулся! Пахнет от тебя нехорошо. Иди, помойся, я еду приготовлю.

— Соскучился, я, мам, по домашней лапше.

Алексей помылся под душем, жесткой мочалкой тер себя, как будто лагерную жизнь с кожей стереть хотел. Одежду другую надел, в которой раньше в институт ходил, на кухню пришел. Угощение скромное — вареная картошка, селедка, два огурца, черный хлеб. Алексей ком в горле ощутил. Ему бы матери помогать, а он на зоне сидел. Сел есть, мать на него смотрит, глаз не отводит.

— Мам, ты чего?

— Повзрослел ты, черты лица жестче.

— Мам, давай не будем. Зона — не пионерский лагерь.

— Дай слово, что никуда снова не влезешь.

— Даю. Завтра в институт поеду.

— Дай-то бог.

Мать вздохнула. Алексею ее жалко стало до слез. Всю жизнь горбатилась на скромную зарплату, рада была, что сын в институт поступил, гордилась — всем знакомым рассказала. А сын подвел, остушился.

Назавтра поехать не получилось. Пришлось идти в полицию, потом в паспортный стол, сдать справку об освобождении из колонии, чтобы получить паспорт. Пока в фотоателье бегал, ожидал

получения, уже вечер. Зато вышел с новым документом.

Следующим днем уже ехал в автобусе в Рязань. Декан факультета, как увидел Алексея, лицо каменное сделал.

— У вас судимость не снята, восстановить не сможем.

— Я же не на материально-ответственную работу устраиваюсь и не на руководящую должность.

— Снимется судимость, приходите, рассмотрим, но восстановление не гарантирую. После окончания вуза, если таковое случится, вам придется в архивах работать, с важными документами. Нет, я против.

Так и ушел из института. От обиды кипело в душе. Была драка? Была, но он парня не бил, а срок получил. Выходит — пятно на всю жизнь. Несправедливо! Теперь и из института вежливо спровадили. Нечего тут разным уголовникам делать, еще чего доброго сворует что-нибудь или потасовку устроит. Сразу вспомнились слова Шила.

Говорил он, что не восстановят, так и вышло. Выходит — прав щипач, жизнь лучше Алексея знает. Что матери теперь сказать? Он и так перед ней виноват, за все доброе, что она сделала, неблагодарностью отплатил. Сколько она слез выплакала, здоровья потеряла из-за его судимости? На работу устроиться? А что он умеет, если специальности нет? Да и возьмут ли судимого, если желающих с чистой биографией полно. Мало того,

безработных хватает. А и берут, так на невыгодных условиях — серая зарплата, а то и в черную, без оформления.

Уселся в небольшом парке на лавочку. Тяжкие мысли одолевали. Что делать дальше? Похоже — высшего образования не видать, как своих ушей. Идти в грузчики или чернорабочие? У них зарплата смешная, да и не для того он в школе учился на отлично, чтобы мешки таскать. В полной прострации сидел долго, выхода не видел. Воровать кошельки, как учил Шило? Только не это, уж лучше грузчиком. На лавочку, на дальний ее конец какой-то дед подсел, вполне благопристойного вида — шляпа, очки, тросточка. Ну сел и сел, места много, не мешает. Но старикан к Алексею повернулся.

— О воровстве не думай, — сказал он.

Алексей аж подскочил. Телепат дед, что ли?

— Я к вам не пристаю, и вы меня не трогайте, — резко ответил он. — Я ни у кого ничего не крал.

— Это пока.

Старичок поднялся, опираясь на палку, пошел по тротуару. Проходя мимо Алексея, сделал какое-то движение рукой, вроде пасса. У Алексея голова закружилась, сознание помутилось. Очнулся уже вечером, лежа на тротуаре. Вокруг незнакомая улица. Мелкий дождь моросит, ветер. Тут же шаги раздались, к нему полицейский подошел. Тусклый свет фонаря позволил разглядеть форму — темная шинель, круглая шапка с ко-

кардой, а что удивило Алексея — шашка на левом боку. Неужели, пока он сидел, у полиции форму изменили?

— Гражданин хороший, встать бы надо, — пожурил полицейский. — Шли бы вы домой, пока в неприятности не попали.

Алексей поднялся.

— А где я? — спросил он.

— Пить меньше надо. В Санкт-Петербурге, где же еще?

— Правда?

Как он в город на Неве попал — не помнил. Полицейский засмеялся.

— Воздух понюхайте, гражданин. Чувствуете — морем пахнет?

Алексей носом потянул. И правда — морем пахло, ветер нес запахи йода, водорослей, чего-то необъяснимого, так могло пахнуть именно море.

— А число какое?

— Да вы не больны ли? Семнадцатого сентября одна тысяча девятьсот семнадцатого года.

Алексею показалось — ослышался он. Какой семнадцатый, да еще девятьсот?!

— Э, простите, нельзя ли повторить?

Полицейский повторил — чисто, внятно. Алексею нехорошо стало. Неужели старик в сквере на чудил? Полицейский развернулся, не торопясь зашагал. На правом боку кобура желтой кожи от револьвера. Да таких уже в полиции нет лет семьдесят. Странности. Где Рязань и где Санкт-Петербург? А у него денег кот наплакал. Только